

стоянно ободрял и поддерживал и усерднее чем кто-нибудь до конца стоял за достоинства моих писаний».¹⁶

Чрезвычайно важно тут сказать об одном обстоятельстве. Страхов не только отстаивает свое право быть литературным критиком, но и выражает обиду на то, что Толстой демонстративно не замечает цикл его статей о «Войне и мире». А ведь он несколько раз подчеркивал в письмах к «бесценному» и «несравненному» Льву Николаевичу: «Лучшим своим делом я считаю все-таки мою критическую поэму в четырех песнях — *Критический разбор „Войны и мира“*».¹⁷ О «поэме» Страхова Толстой промолчал — неудобно было выражать одобрение тому пафосу, тем восторженным эмоциональным оценкам, которые содержались в статьях обычно сдержанного и суховатого, крайне скупого на комплименты критика.¹⁸ А по поводу литературной критики Толстой вновь отозвался неодобрительно, но в изящно-парадоксальной форме: «Но критика ваша любимая — это ужасное дело. Одно ее значение и оправдание, это — руководить общественным мнением; но тут и выходит каламбур — когда критика мелет околесную, она руководит общественным мнением, но как только критика, как ваша, исходит из искренней и (ernst) серьезной мысли, она не действует, и как будто ее не было».¹⁹

Получив такой остроумный и дипломатичный ответ, Страхов, похоже, несколько растерялся, но, конечно, остался при своих убеждениях, лишь на время отложив диалог о критике. Он был человеком обстоятельным, с большим упорством и изобретательностью умевшим отстаивать свои взгляды. В диалоге с Толстым Страхов к одним и тем же вопросам (особенно если речь шла о щекотливых и сугубо личных материях) возвращался и через двадцатилетний промежуток (памятью обладал феноменальной). Толстой высоко ценил эти качества Страхова, независимость суждений и умение деликатно, но твердо их отстаивать. Вот и к разговору о критике Страхов вернется в 1876 году, выслав Толстому только что изданный им том сочинений Аполлона Григорьева. Толстой умысел Страхова, конечно, понял, но к критике отнюдь не стал относиться лучше. С некоторым неудовольствием из-за того, что его время хотят занять всякими пустяками, выговаривал: «Я прочел предисловие, но — не рассердитесь на меня — чувствую, что, посаженный в темницу, никогда не прочту всего. Не потому, что не ценю Григорьева — напротив, но критика для меня скучнее всего, что только есть скучного на свете. В умной критике искусства всё правда, но не *вся* правда, а искусство потому только искусство, что оно *всё*». Памятуя о «критической поэме» Страхова, Толстой обращается к нему с просьбой не хвалить роман «Анна Каренина»: «Покажите мне искреннюю дружбу: или ничего не пишите мне про мой роман, или напишите мне только всё, что в нем дурно». И присовокупил к просьбе грустное и резкое обобщение: «Мерзкая наша писательская должность — развращающая. У каждого писателя есть своя атмосфера хвалителей, которую он осторожно носит вокруг себя и не может иметь понятия о своем значении и о времени упадка».²⁰

Страхов ответил Толстому бесподобно: «*Искусство — всё*, Вы пишете; да так именно и думал Ап. Григорьев, и он один так думал. Можно сказать,

¹⁶ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 177.

¹⁷ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 138.

¹⁸ По свидетельству С. А. Толстой, статьи Страхова о «Войне и мире» (Толстой их читал в журнале «Заря», который регулярно высылавался в Ясную Поляну) радовали писателя (Толстая С. А. Дневники. М., 1978. Т. 1. С. 497, 498).

¹⁹ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 151.

²⁰ Там же. С. 259.